

ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИЯ РУССКОЙ ПОЭЗИИ 60-70-х гг. XX ВЕКА И ЕЁ ПРИЧИНЫ

Коловская Коринна

Руководитель О. А. Шевчук

Научный консультант канд. филос. наук А. Ю. Коловская

МАОУ Гимназия № 2

Представляемая работа посвящена периоду развития поэтического искусства 60-х годов, отмеченному двумя важными моментами. Один ознаменован приходом в поэзию во время оттепели плеяды молодых, которые стали популяризаторами поэзии и идей, которые в ней были заключены (эстрадный период). Второй момент – возвращение авторов с подмостков на тропу земли, в гущу актуальных событий и процессов в мире и своей стране. В литературоведении этот период называют «интеллектуализацией» [2, 3].

Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью поэзии в аспекте «интеллектуализации». В статьях видного литературоведа А. Михайлова прямо отмечается, что *«процесс интеллектуализации поэзии явился отражением общего процесса роста культуры и самосознания народа и — опосредованно — отражением в поэтическом мышлении научно-технического прогресса»* [2, с. 22]. Однако специальных исследований не проводилось, а отдельные научные работы имеют, как правило, широкий тематический диапазон, что не способствует глубокому изучению предлагаемого аспекта и не исчерпывает познавательного и художественного интереса. Некоторые авторы не оставляют пафос критики поэзии 60-х. Например, многочисленные работы И. Шайтанова, в которых поэты и поэзия 60-х оцениваются слишком прямолинейно, односторонне и грубо. Аналитик полагает, что «шестидесятники» в истории литературы запомнятся своей способностью «сходить на нет, превращаться в отрицательную величину, изживать профессионализм в полную графоманию» [6]. Но такого рода подходы к анализу эстрадников сегодня не актуальны по нескольким причинам. Прежде всего, плюралистические тенденции, распространение таких ценностей, как толерантность, разнообразие, развитие интернет-технологий раскрывают перспективы широкой оценочной палитры любых явлений. Однолинейный подход не одобряется сегодня. Кроме того, исследователи отмечают, что сегодня ценности эмоционального ряда уходят из общественного сознания и индустриализация, механизация, прагматизм вызывают «атрофию души» [4]. А эмоциональность была главной приметой поэтического творчества того времени.

Основная цель работы — раскрытие причин перехода поэзии с позиций трибунной публицистичности на путь интеллектуализации и рассмотрение в этой связи её социокультурной роли.

В работе применялся содержательный, историко-социальный и историко-культурный анализ. Социальный анализ включал также изучение феномена популярности поэтического творчества и социального взаимодействия поэтов и публики. Применялся метод интерпретации произведений, позволивший охарактеризовать некоторые сложные выразительные средства, как, в частности, «повторы».

Для раскрытия темы в работе анализировалось творчество таких именитых поэтов, как Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский, Леонид Мартынов. Выбор авторов обусловлен их особой активностью в эстрадный период и особенностью образной системы произведений, где присутствует яркие

выразительные средства, как гипербола, патетика, связь с повседневными проблемами современности.

Шестидесятые – семидесятые годы двадцатого века – это время, когда поэзия переживала необычайный подъём. Она старалась откликнуться на интересующие народ острые проблемы. Особенностью же было то, что поэзия жила не только на страницах газет и журналов. Она вышла навстречу публике, жила с ней одним дыханием, предчувствием перемен, надеждой на светлые времена, энтузиазмом молодёжных строк, памятью о днях революции, победе в Великой Отечественной войне.

Исследования показывают, что как литературный процесс, так и творчество ведущих его представителей в той культурной реальности не мог не быть эмоциональным, громогласным и ярким. Стихи оперативно публиковались в газетах и журналах – остропублицистические, дискуссионные. Поэты сами исполняли свои произведения в кафе, клубах, в скверах, на аллеях, площадях, в библиотеках. Люди были охвачены одним порывом. Е. В. Терещенко в аналитической статье приводит определение поэзии, данное современным французским поэтом Жан-Клодом Пенсоном, как *«...некое таинственное измерение реальности», которой, быть может, нет, но которая, возможно наступит. То есть, некое «обещание другого, вполне возможного мира»* [4]. В тот период участие в социалистическом строительстве основывалось на ожидании этого возможного мира. Поэтому люди так эмоционально откликнулись на поэзию. Через неё молодёжь, студенчество постигали экзистенциальный опыт жить в настоящем и быть ответственным за свою судьбу и судьбу страны. Эстрадные выступления необычайно оживляли и саму поэзию и отношение к ней широкой аудитории. В этом тесном контакте **поэт — поэзия — аудитория** все переживали творческое волнение, подъём активности, энтузиазма. И в этом отношении феномен эстрадного периода в развитии поэтического творчества состоял в непосредственном влиянии на рост человеческого самосознания.

В оценках поэтического опыта рассматриваемого периода проводится параллель с авангардизмом. Например, отмечается, что А. Вознесенский, возрождающий традицию раннего Маяковского, Хлебникова, Пастернака, выступает как представитель социалистического авангардизма. Но и всем шестидесятникам был присущ поиск новых форм стиха и способов художественного изображения: гиперболизация, ассоциативность, переплетение стилевых тенденций. Главный объединяющий их признак - новаторский поиск во всех аспектах творчества. Не оставляет сомнений то, что шестидесятники писали с ощущением «мятежной роли поэта». Сравним характерные строки: *«Большой талант всегда тревожит и, с жаром головы кружа, не на мятеж похож, быть может, а на начало мятежа»* (Евтушенко); *«Я поднял стихотворную волну, зажжёт я стихотворную луну...»* (Мартынов); *«Художник первородный — всегда трибун. В нём дух переворота и вечно бунт»* (Вознесенский). Они верили в перспективу быть прочитанными, войти в культурную историю страны в будущем и, одновременно, сомневались и тревожились. Справедливости ради, следует показать и то, почему следует за шестидесятниками жёсткая критика. Некоторые слова, вопросы, ответы, призывы звучали дерзко, с вызовом. Например, А. Вознесенский написал: *«Кто мы — фишки или великие?»*. Не менее, вызывающим, был ответ Е. Евтушенко: *«Будем великими!»*. В эссе «Гёльдерлин и сущность поэзии» Мартин Хайдеггер развивает мысль о поэтическом жизнепроживании, как особом даре быть «затронутым близостью сущности вещей». Он формулирует это таким образом: *«Так как поэт остаётся у себя самого в высочайшем отъединении, сконцентрированном на своем предназначении, он замещает свой народ и потому, в самом деле, добывается истины»*. [5]. Опираясь на суждение великого мыслителя, можно сказать, что потребность задавать вопрос о назначении поэзии и своём предназначении приведёт к

истине скорее, чем её отсутствие. Пафосом поэзии тех лет было утверждение ценности неповторимой человеческой личности. Человек предстаёт перед вечными, а иногда и перед «последними вопросами». В этом убеждает сама поэзия.

В работе предложено развёрнутое определение понятия «интеллектуализация поэзии», как *процесса проникновения в произведения философского начала, как особого способа художественного мышления, охватывающего области жизненно важных проблем: состояние мира и прогресса; судьба человека, его роль в историко-культурном процессе.*

Одним из мотивов интеллектуализации стало осмысление реальности, миссии поэта и поэзии. Нельзя сказать полнее об эстрадном периоде, о его значении для поэта, чем это сделал Е. Евтушенко в стихотворении «Эстрада»: *«Мой стих не распустился, не размяк, но стал грубей и темой и отделкой. Эстрада, ты давала мне размах и отбирала таинство оттенков».* Из приведённых строчек следует, что поэты - шестидесятники одними из первых почувствовали неудовлетворённость собой. В период широкой стихотворной волны, «размаха» появилась потребность в «таинстве оттенков». Это было моментом интеллектуализации. К мотивам интеллектуализации мы относим кризис в поэзии, который к середине 60-х годов достиг своей критической точки и должен был как-то разрешиться. Кризис затрагивает скорее критическое сознание и сферу действия, чем созерцание и слово. Что произошло с шестидесятниками-поэтами такого, чтобы начался в поэзии (но прежде в сознании) период интеллектуализации. А. Банфи отмечает, что в моменты кризиса настоящего, поэзия стремится найти себе прибежище в более глубокой лиричности, что и произошло с нашими шестидесятниками. На волне оттепели, бурной социальной активности поэзия с наибольшей полнотой и выразительностью отразила происходящее. Когда же общественная активность пошла на спад, поэты перестали себя ощущать участниками перемен и социального созидания. Но, поскольку «запал» был велик, то полоса разочарований прошла не слишком заметно, но, всё же, прибежище шестидесятники себе нашли – им стала более глубокая лиричность. Поэты были молоды, талантливы, набрались опыта и постепенно обретали иное качество в творчестве. Если в начальный период поэзия была более откровенной, непосредственной, порой обнажённой, то в переходный период с ростом самосознания авторов, в том числе профессионального, она начинает выражать, хотя и неустойчивые, но новые формы опыта взаимодействия с реальностью. Отмечаемый критиками пессимизм, опустошённость авторов на самом деле был выражением поиска новых мироощущений и нового миропонимания. У Мартынова – это искреннее изумление стремительным развитием науки и техники, и постоянный поиск места человека в мире прогресса и его достижений. А главное – изумление от жажды нового самими людьми, гордость за современника и обращение к нему: «Что ты об этом скажешь, современник?».

Тенденции к интеллектуализации поэзии, как и других форм искусства, имели корни в самой действительности. Это развитие капитализма, изобретение атомной бомбы и собственно достижения научно-технической революции, открывающей, как тогда казалось, все таинства мироздания, включая космос. В 50–60-е годы XX века в искусстве разгорелся спор о «физиках» и «лириках». Были высказаны суждения, что прогресс науки сводит на нет значение поэзии, лирики. Высокий рационализм науки и самой жизни вызывал, возможно, интуитивно, потребность к интеллектуализации поэзии. Однако существовало противоречие между достижениями в рациональной, технической сфере жизнедеятельности и реальными опасениями за духовное и душевное пространство человека, за безопасность существования. Поэты оказались наиболее чувствительны к назревающим в русле технологизации глубоким социальным

культурных и психологических проблем. А. Вознесенскому принадлежат строки: «*Все прогрессы реакционны — если рушится человек*».

Таким образом, другим ведущим мотивом смены стилевой ситуации была научно-техническая революция. Научная и техническая терминология обладала такой новизной, что «гласить», агитировать, плакатно взывать к ней, было затруднительно и не соответствовало масштабу самого феномена. Реальность требовала осмысления изменений и нововведений, что и произошло с поэтами эстрадной громкой поры.

Сущность интеллектуализации поэзии, её основное содержание – в движении мысли, которая стала всё объёмнее охватывать разные стороны стремительно развивающейся реальности и требовала своего разрешения в стихотворной форме. Стихотворная же форма, завоевавшая себе пространство в сознании общественности (публика) стала достойным прибежищем мысли и её выразителем.

Социокультурное значение поэзии шестидесятников в эстрадный период состоит в том, что пребывая в «думах» о судьбе человечества, о мире, о прошлом, настоящем и будущем, пытаясь найти своё место во времени и пространстве, они создали неповторимое по интонации, актуальности нашему дню, содержательности и красочной палитре поэтическое наследие. Это наследие своими лучшими произведениями будет переходить от поколения к поколению, поддерживая связь времён. Поэзия как общественный проект выразила и отчасти предопределила переориентацию человеческой мысли, разума в сторону мировых событий и последствий научно-технического прогресса. В период интеллектуализации она сохранила глубину и разнообразие душевной жизни, её интенсивность, духовное движение включающая яркую эмоциональность, свободную мечтательность, богатое воображение, спонтанность, искренность, чуткость, чувствительность, способность к эмпатии, восприимчивость. В поэзии интеллектуального периода присутствуют ценности экзистенциального значения: сущность бытия, смысл жизни, добро, искания, напряжение, надежда, совесть.

Остаётся без ответа вопрос о том, надо ли полагать интеллектуализацию периодом новаторства, в который возникают новые художественные открытия в полном объёме, то есть от формообразования до выразительных средств, от тематики до содержательности. В этом отношении рассмотренный период поэтического развития представляет для исследователей и читателей эвристическую ценность.

1. Мандельштам, О. Э. О природе слова / О. Э. Мандельштам. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Проза. - М.: Худож. лит. 1990. С. 195.
2. Михайлов, А. А. Поэты и поэзия. Портреты, проблемы, тенденции развития современной поэзии / А. А. Михайлов. - М.: Просвещение. 1978. С. 7- 44.
3. Прищепа, В. П. Движение поэзии конца 50-80-х годов /В. П. Прищепа: в кн.: Современная русская литература: Ч. I. М.: Просвещение, 1987, с. 132.
4. Терещенко, Е. В. Почему в современной России не популярна поэзия, или ценностные основания гуманитарного кризиса в современном мире: / Е.В. Терещенко // Вопросы философии. 2013, № 4.
5. Хайдеггер М. Гёльдерлин и сущность поэзии: эссе / М. Хайдеггер // Логос: Философско-литературный журнал. Вып. 1. — М., 1991. С. 37-47. Шайтанов, И. Поэт в России /И. Шайтанов // Арион. 1998. № 2.